

В пути

У человека случаются душевные кризисы. Человек так устроен. У меня случился душевный кризис. Я не знал, что происходит со мной, не знал, что будет дальше, не знал, что делать с этой забавной, но уже немного поднадоевшей игрушкой – жизнью. Поднадоела, да. Но проблема в том, что в магазин игрушек не сходишь, и новую не купишь и не украдёшь.

Ладно. В одной книге сказано, что тоску лечит дорога. Я дождался выходных и отправился по реке на своей надувной байдарке. Стояла осень, жёлто-коричневые листья, изображённые на ткани лодки, гармонировали с деревьями по берегам.

Взял с собой провизии на пару дней, оттолкнулся от берега и поручил остальное реке.

Осенняя река неспешна и немного грустна в предчувствии скорых холодов и ледяного плена. И, как осуждённый бывает добр к случайному воробью, севшему на решётку его тюрьмы, качала меня на волнах плавно, ласкающе. Осенние колыбельные песни реки баюкали меня. От них разжимались стальные кольца внутри, щёлкали, открываясь, замки на дверях в некие комнаты, где ещё хранились запасы радости и спокойного оптимизма.

Я откинулся на спину, перед тем разобрав весло и кинув его на дно лодки, под одно из пустующих сидений.

– «Пусть река сама несёт меня», – повторил слова из «Ёжика в тумане».

Небо в октябре высокое и такое чистое, какого не увидишь ни в один из остальных месяцев года. Хрусталь воздуха вбирал в себя тонкий солнечный свет и, казалось, звенел. Синеву неба остро подчёркивало одинокое облако – клочок, сплетение белёсых нитей.

Я лёг на спину, стал смотреть на облако.

Река, увлекая, крутила лодку, мягко ударяла её о берега, бывало, останавливала, устроив в спокойной заводии, но неизменно, медленно, будто крадучись, снова выводила на стремнину и влекла дальше.

Тонкий месяц вышел на вечерюющий небосвод. Месяц – юный, мальчик, льдинка на синей воде, плыл по небесным водам и воздушные течения несли его.

Казалось, живущий высоко-высоко искусник слепил месяц из одинокого облачка, так были они схожи.

Деревья над рекой роняли листья, и те кружились, забывшись в танце, порхали над рекой и падали на тёмную воду, кое-где взбурённую струями течения и водоворотами. Жёлтый кленовый лист, откружившись в первом и последнем своём полёте, упал мне на грудь. Я взял его за черешок, покрутил, полюбовался пламенеюще-остроугольным контуром на спокойном фоне небес и, зажав черешок меж зубами, принялся жевать.

Вкус черешка оказался под стать настроению – терпкий, осенний, неяркий, отчасти даже приятный.

Сверкнув чёрным, мелькнули две птички. Некоторое время закладывал надо мной круги некий хищник. Крылья его не шевелились. Фигура источала спокойствие и уверенность.

Меня прибивало к глинистым обрывистым берегам, и вечерняя белёсая трава, напитавшаяся красным цветом заката, качалась надо мной.

Игорь Малышев родился в 1972 году в Приморском крае. Получил высшее техническое образование, работает инженером на атомном предприятии. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Юность» и др. Автор десяти книг. Финалист премий «Ясная Поляна», «Большая книга», «Русский Букер». Живет в Ногинске Московской обл.

Трава своё отжила. Жизнь её ушла в корни и затаилась до следующей весны в темноте и тяжёлой земной влажности. Ветер шелестел безжизненными стеблями, издавая звук, похожий на шелест переворачиваемых страниц.

Течение мягко толкалось под тонкое лодочное днище, будто там внизу играли крупные водные существа, вроде дельфинов или касаток.

Я опустил руку за борт, кисть заломило от холода.

«Даже удивительно, что ещё не встал лёд...» – подумал я, поднося руку ко рту и дуя на неё живым теплом.

Рука казалась оледенелой и при этом отчего-то очень чистой.

Изредка донеслись звуки. Салюта? Охотничьих выстрелов? Взрывов вражеских беспилотников?..

Я натянул рукава свитера на кисти, укрылся покрывалом, защищающим гребца от брызг, и уснул.

Мне снилось... Должно быть, что-то хорошее, поскольку проснулся я с очень светлыми ощущениями. Разбудил меня отдалённый раскат грома. То, что это не салют, не охотники и не беспилотники, я понял сразу тем архаическим чутьём, что упрятано в костях, глубинах мозга и прочих инстинктивных территориях.

Вокруг стояла полная тьма. Не было видно ни берега, ни прибрежных деревьев, ни даже реки. Откинув покрывало, я резко сел. Прислушался к окружающему затаившемуся и набухшему неким предчувствием миру, и в одно мгновение понял, что сейчас произойдёт. Я едва успел накинуть непромокаемый плащ, как на лодку обрушились первые, тяжёлые, как мужские слёзы, капли дождя.

Я снова улёгся, укрылся накидкой, перевернулся на правый бок, чтобы не затекала вода, и поглубже ушёл в капюшон.

Струи воды били по бортам лодки, летели брызги. В тревожном гудении ливня сверкнула молния, будто попыталась расколоть мир. Прошло несколько секунд, прежде чем всё взорвалось от звуков грома. Он прозвучал с такими трескучими обертонами, что я испугался, не сломалось ли рядом дерево и не упадёт ли оно на меня и лодку.

Я подумал, что если записать звук рвущейся бумаги и оставить от него только низкие частоты, то получится нечто очень похожее на гром.

Дождь усилился так, что стало почти больно левому боку. На меня словно сыпали и сыпали свинцовую дробь. Туго надутые лодочные баллоны непрерывно гудели под её напором.

Снова сверкнула молния. Потом ещё раз, ещё. Разряды следовали один за другим. Небо стало похожим на взбесившийся фонарь дневного света, вспыхивало не переставая. Гром грохотал, не умолкая ни на миг.

«Интересно, если молния ударит в реку, я умру?»

Река была освещена почти непрерывно.

Струи воды текли с края капюшона.

«Не затону ли я от прибывающей в лодке воды?»

Потом вспомнил, что совсем недавно лодка спокойно держала помимо меня моего стокилограммового друга Диму, и успокоился. Даже это разгневанное небо не смогло бы налить сюда центнер.

Взрывы следовали один за другим. Молнии высвечивали страшные чёрные, похожие на застывших в бесовской пляске деревья.

Река ворочалась подо мной, словно норовя перевернуть лодку, но я знал, что это невозможно.

И всё вместе, разряды над руслом, шевеление принимающей струи дождя реки, будоражили самые тёмные уголки в моей голове, и оттуда выползал страх.

Внезапно лодку мою сильно, словно бы даже с ожесточением ударило о берег, новая молния осветила небосвод, и я увидел устремлённые на меня из сухой травы мёртвые птичьи глаза. Кто это был? Сокол? Пустельга? Ястреб? Мне запомнился взгляд, приоткрытый жёлтый клюв и несомерно длинные, похожие на хирургические инструменты, полупрозрачные когти.

Река снова ударила лодку о берег и понесла дальше. Ещё одна молния напоследок высветила устремлённый на меня из седой травы взгляд мёртвой птицы.

Ливень долго засыпал холодной дробью мою лодку, но ближе к рассвету запасы его иссякли. Ветер стих. Потянуло зябкостью, которой я не чувствовал во время дождя.

Плыть на рассвете среди сбитых за ночь красных и жёлтых листьев – зрелище для фильма о счастливой судьбе.

Я сидел, скинув с головы капюшон плаща, смотрел, как свет скользит, растворяясь в каплях на белёсой траве, как плывут по течению, кто на поверхности, кто утонув и проглядывая сквозь воду, листья дубов, осин, клёнов.

Холодило влажное плечо. Должно быть, там в плаще была дырочка. Зябло лицо, голова, шея.

Проплыл под одним мостом – бревенчатым, до умильности стареньким и домашним, потом под другим – бетонным, основательным.

Солнце, разгораясь, вставало над горизонтом, заливая мир всеми оттенками красного. Вот розоватый, серо-жемчужный мелькнул в тельце мелкой речной волны. Вот бордовая искра зажглась на истоптанном людьми и коровами берегу. Вот, будто укрытые красными полотнищами, вспыхнули крыши домов села Заречье, мимо которого плыву.

Мир тих. Ни намёка на ветер. Река податлива и безмятежна, как сон ребёнка.

Я выхватил из воды сбитый непогодой лист клёна, вставил черешок меж зубами. Мне ещё довольно далеко плыть.

Мгновение

Чёрный, как смоляное чучелко, кот сидит на дереве. Он притаился в гуще ветвей черёмухи и замер. Он охотник. Он тощ, поджар, когти его острее рыболовных крючков, мышцы твёрже дерева, шерсть гладка и бархатисто ласкова, глаза его – две луны. Кот замер, слился с корой, с неподвижностью ствола, с безветрием, которое вечно царит внутри черёмухового огромного куста.

Но вот шевеление, порх, и рядом с кустом пролетает воробей. Тело кота распрямляется мгновенно, будто выстрелившая пружина, пробивает в прыжке листву и стремительно несётся к взбивающей крыльями воздух птице.

Когти на передних лапах кота выпущены, солнце вцепилось в каждое остриё и хищно играет на них. Кот летит, прыжок его красив, стремителен. На шерсти его, на каждой шерстинке, иссиня-чёрной, тоже играет летнее предвечернее солнце.

Детей «запрягли» окучивать картошку. Они городские, но сейчас они в деревне, и помогать бабушке их священный долг. Дети расстроены. Однако, покорно положив тяпки на плечи, идут мимо большого, как колхозная скирда, куста черёмухи в сторону огорода.

Мальчик спотыкается. Тяпка его, остро наточенная приехавшим сегодня дядькой, сверкая на солнце острой кромкой, летит сестре прямо туда, где встречается шея с плечом и проходит яремная вена. Плечо сестры худое, вены лежат так близко к поверхности кожи, что она могла бы служить живым экспонатом для студентов-медиков.

Сын бабушки, дядя Коля, сидит на крыше и пытается придумать, как подтянуть чуть съехавший лист шифера. Он тянется, тянется. Держаться ему всё менее и менее удобно. Ещё мгновение, полу-, нет, четвертьмгновение, нога его заскользит, сорвётся. Он в тапках. Тапки – не самая лучшая обувь, чтобы лазать по крышам.

На земле у стены дома, прямо под тем листом, который пытается подтянуть сейчас дядька, лежит борона – шипастая конструкция, брошенная здесь с весны местным трактористом. Брошенная шипами вверх. Борона густо заросла бурьяном и совсем не видна.

На детей с тяпками смотрит старик Крысанов. Он стоит рядом с бабушкой Марь Ивановой, и они ведут разговор о видах на урожай.

– Ничего не будя, – говорит уверенно Марь Иванна. – Всё посохня.

В голосе её слышна вековая крестьянская хитрость. Убеждая себя и остальных, что урожай погибнет на корню, она думает так обмануть судьбу. Это повторяется каждый год. О том знает старик Крысанов, знает сама бабушка.

Старик не знает о том, что в его ярёмной вене оторвался тромб и сейчас несётся к сердцу, к тонким лепесткам сердечных клапанов.

Тишину мягкого летнего предзакатного часа пререзает резкое истошное воробьиное чирикание. Когти чёрного кота трогают перья на хвосте птицы и, разминувшись, уносятся дальше. Недовольный истошный мяв оглашает округу.

Девочка, в чьё плечо летит острым углом наточенная, светящая стерильной кромкой тяпка, вздрагивает, оборачивается всем телом. Рассекая воздух, сталь, поймав и тут же выпустив луч солнца, пронесится мимо.

– Дурак, что ли? – кричит девочка на брата.

Дядька, услышав чирикание и мяв кота, вздрагивает, вцепляется в изгибы шифера. Из кармана его растянутых треников выпадают пассатижи, едут вниз и, исчезнув за краем крыши, звонко обозначают свою встречу с лежащей внизу бороной.

Старик Крысанов охает от громкого, раздавшегося прямо над ухом цвирка воробья, едва не ставшего жертвой кошачьего сафари. В старости Крысанов стал пуглив, вздрагивал от любого резкого звука или движения.

– Дурак, что ли? – слышит он крик девочки, чудом увернувшейся от наточенной тяпки.

Сердце старика сжимается и рвёт галопом, будто иноходец через поля.

Тромб, подгоняемый усиленным током крови, влетает в клапан сердца, задерживается, застрекает, но, подхваченный напором, бьётся вверх, вниз, шевелится, поворачивается.

В глазах у старика темнеет.

Звук ударившихся о зуб бороны пассатией звенит вдруг очень чистой и пронзительной нотой, заставляя старика вздрогнуть ещё раз. Он вздыхает глубоко раз, другой. Тромб поворачивается и створки клапана пропускают его. Сгусток крови – несостоявшийся убийца, несётся, чтобы раствориться и уж более никогда не потревожить старика Крысанова.

Кот приземляется на лапы и начинает вылизываться. Морда его выражает равно и досаду, и презрение ко всем свидетелям его позора.

Воробей взмахивает крыльями и растворяется в мешанине солнечных лучей и листвы.

Мальчик, вздыхая, идёт за девочкой к картофельному полю.

– Нет, Марь Иванна, – говорит старик Крысанов, чуть отдышавшись. – Гидрометцентр сказал, погода будет хорошая. Дождь в меру и солнца в меру. С урожаем будем, вот увидишь.

На льду, подо льдом, надо льдом

Смотрел стрим. Один рыбак рассказывал в прямом эфире, как они только что упустили под лёд зимнюю удочку. Рыбак был изрядно пьян. Он радостно кричал в камеру, что какая-то дрянь, на самом деле он употребил другое слово, увела под лёд удочку.

Время тёмное. Декабрь. Лёд встал крепкий. Рыбак вёл стрим из утеплённой, судя по металлически блестящим «пенкам», палатки. Посередине палатки меж выстланных смято-зеркальными поверхностями «пенек» выделялась чёрная дыра лунки.

Рыбак, легко одетый, похоже, в палатке было тепло, размахивал руками над чёрным зрачком во льду и пенял напарнику.

– Ну, как ты упустил? Не, ну как так-то, а?

Напарник что-то невнятно мычал из неосвещённого угла.

На портативной газовой горелке стояла небольшая сковородка и на ней что-то шипело.

– Вот они! Окушки! В сметанке! Шкворчат, дымят. Ах! – восторженно вещал над сковородкой рыбак.

В палатке играл то ли doom, то ли death. Видимо, рыбак был убеждённым металлистом.

Шкворчало рыбе мясо на сковороде, играл doom или death, чернела лунка, в которой вздыхала живыми огромными лёгкими река. Я смотрел стрим и вдруг словно бы провалился в это чёрное пятно посреди человеческого уюта, переполненного человеческими звуками, запахами, светом.

Там, подо льдом, метался окунь, небольшой, с ладонь, который волочил за собой короткую пластиковую удочку.

Боль в верхней губе и непривычная, но как-то жёстко связанная с ней несвобода передвижений пугает и мучает рыбу. Окунь делает движения хвостом, плавниками, но тело не слушается. Он поворачивает в одну сторону, в другую, однако боль в верхней губе, распространившаяся на всю голову, не даёт повернуть. Тело стало чужим, непослушным. Картина мироздания рыбы рушится. Окунь мечется, задевая спинным плавником лёд, волочащаяся за ним удочка диктует свои правила. Он пытается нырнуть, но чужая сила снова выволакивает его наверх.

По льду распространяются вибрации, от которых он хотел бы держаться подальше. Эти вибрации, колебания и биения – музыка, что играет в палатке. Doom, death. Могучие, как боги, существа, поймавшие окуня на удочку и упустившие его, слушают doom и death.

У рыб нет ушей. Они слушают музыку телом, средней линией. Теперь окунь знает, как звучит музыка богов.

Каждый из нас хоть однажды чувствовал себя рыбой подо льдом, подцепленной на крючок пьяными хохочущими богами.

Счастье, что мы не понимаем речи богов, а то бы услышали:

– У этого брюхо плохо вычистил...

– Окуня надо есть прямо со сковородки...

– Этот готов уже, снимай...

Боги вершат дела.

– Мелкий совсем. Может, отпустим? На кой он?

– Пусть полежит, потом в уху заправим.

Боги смешливы и веселы.

...Твоё тельце на сковородке.

– Это просто температура, – убеждаешь ты себя и пьёшь жаропонижающее, принесённое женой.

Нет, друг мой, это не температура. Твоя беда в том, что ты лежишь на сковородке и тебя поджаривают.

– Этих снимай, – слышится голос, – а этот пусть ещё подумянится.

У тебя всего лишь 39,7, не повод умирать. Да и врач успокаивает, говорит, если не помогут эти антибиотики, попробуем другие.

Возможно, антибиотики и помогут против сковородки, на которой ты лежишь, но не факт.

В обиталище богов играет doom. Голос судьбы. Ты слышишь его и хотел бы держаться от него подальше.

Окуню, ушедшему вместе с удочкой, ещё повезло. По большому счёту, в палатке ад. Здесь вырывают внутренности, гудит огонь и пышет жаром раскалённая сковорода. Кричать бесполезно, рыбаки не слышат голосов рыб.

...Рыбак – алкоголик, и печень отправит его на тот свет через... Нескоро, но неизбежно.

Другой ходит время от времени с миноискателем по окрестным полям и лесам и однажды наткнётся на неразорвавшуюся мину.

Сработают поставленные жерлицы. Хищник станет добычей.

Потом однажды попадётся на крючок и охотник на наших рыбаков. Пусть он и обитает где-то высоко-высоко.

И тот, кто охотился на него, тоже. Через пару миллиардов лет.

И тот... Через период, для которого нет слова в человеческом лексиконе.

...Рыбак – неплохой человек. Сказал, что жена его продаёт в местном торговом центре оружием – арбалет, ножи, баллончики с отравляющим газом.